

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ДОЛГ, ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ РЕФОРМЫ И КОНТРРЕФОРМЫ В СТРАНАХ С НЕСТАБИЛЬНОЙ ЭКОНОМИКОЙ

Аннотация. Привлечение заемных средств государством позволяет минимизировать актуальные риски и сохранить существующую институциональную структуру экономики за счет заполнения финансовых разрывов кредитными ресурсами. С другой стороны, наращивание государственного долга и откладывание институциональных реформ постепенно приводит к финансовой несостоятельности государства.

В статье раскрыты внутренние противоречия между долговой и институциональной составляющими государственного регулирования экономики. Показаны угрозы отказа от принципов Вашингтонского консенсуса для Украины в условиях нарастания эндогенной и экзогенной неопределенности социально-экономического развития страны. Охарактеризованы социально-институциональные риски контрреформ в странах с нестабильной экономикой. Установлено, что неограниченное наращивание государственного долга позволяет бесконечно откладывать институциональное устранение разрывов в денежных потоках государства. С другой стороны, давление внешних кредиторов, не связанных институциональными и социальными ограничениями государства-заемщика, порождает экзогенную неопределенность, реакцией на которую могут выступать контрреформы. Доказано, что альтернативой пути контрреформ могут быть институциональные реформы в собственном смысле слова, направленные на согласованные изменения правил и программ, учитывающие новые условия доступа к ресурсам и технологиям.

Ключевые слова: институты, государственный долг, социально-экономическая неопределенность, несостоятельность рынков, реформы, контрреформы.

Постановка проблемы. В случае длительных и растущих разрывов cash flow в государственных финансах государство стоит перед дилеммой: либо менять правила получения и расходования денег; либо брать деньги в долг. Первый путь является рискованным, поскольку природе институтов изначально присуща стабильность, и только в таком качестве они способны эффективно снимать неопределенность для участников хозяйственной системы. Изменения институтов несут в себе существенную возможность утраты минимально необходимой меры координации индивидуальных и коллективных текущих и долгосрочных решений из-за роста общей конфликтности в экономике и обществе. Второй путь позволяет минимизировать актуальные риски и сохранить существующую институциональную структуру экономики за счет заполнения финансовых разрывов кредитными ресурсами.

Но идеология наращивания государственного долга как эффективного ответа на вызовы глобальной неопределенности таит в себе одну угрозу: она позволяет откладывать болезненные реформы. Из-за мягких бюджетных ограничений государственный организм постепенно накапливает излишние и устаревшие конструкции и механизмы, которые финансируются на тех же основаниях, что вполне жизнеспособные институты. Такое государство постепенно дрейфует в сторону социальной, политической и экономической несостоятельности, однако обнаружить это сразу не удастся.

Анализ последних исследований и публикаций. Проблемы осуществления институциональных реформ, которые бы позволили избежать или минимизировать негативные последствия кризисных явлений в финансово-кредитной системе являются объектом пристального изучения как зарубежных [9-10], так и украинских ученых [1-7]. Проблема управления государственным долгом также является одним из актуальных направлений исследований [8].

Нерешенные части проблемы. Следует заметить, что проблемы институциональных реформ в странах с нестабильной экономикой и вопросы, касающиеся управления государственным долгом, рассматриваются, как правило, обособленно друг от друга. Таким образом, проблемы взаимодействия долговой и институциональной составляющих системы государственного регулирования экономики требуют дальнейших исследований.

Целью статьи является исследование внутренних противоречий между долговой и институциональной составляющими государственного регулирования экономики, систематизация и характеристика социально-институциональных рисков контрреформ в странах с нестабильной экономикой

Основные результаты исследования. С формальной точки зрения, несостоятельное государство может существовать сколько угодно долго, если работает механизм рефинансирования государственного долга. Назревшие структурно-институциональные реформы откладываются до бесконечности, а сложившееся распределение экономической власти воспроизводится в пропорциях, выгодных государству. Политика рефинансирования долгов государства на расширяющейся основе считается в рамках такого подхода структурно и институционально нейтральной. По словам П. Кругмана, в этом нет ничего страшного [10].

Рассмотрим эту проблему с точки зрения способности институтов снимать неопределенность для хозяйствующих субъектов и системы в целом. Во-первых, любые институты несут информацию о прошлых состояниях системы. В исторические эпохи технологических революций и разрывов актуальная ценность прошлого опыта относительно снижается. Объективно происходит некоторая экзогенная деинституционализация системы из-за расширения сферы неупорядоченной свободы. Эту неупорядоченность и стремится восполнить государство прямым вмешательством и администрированием.

Во-вторых, информация, свернутая в форме традиций, правил и норм, может рассеиваться или искажаться сама по себе в силу специфики информационных процессов. Это означает, что каждый раз в хозяйственной системе воспроизводится несколько иная совокупность институтов. Институты, по замечанию Й. Шумпетера, могут изнашиваться, подобно монетам. [9] Износ институтов носит в большей степени вероятностный характер. Уровень адекватности институтов снижается. Поэтому растет общая неопределенность функционирования хозяйственной системы. Источником этой эндогенной неопределенности являются неадекватные (не вполне адекватные) институты. Эволюция институтов является необходимым условием восстановления их должной адекватности.

Можно выделить пять типов институциональных изменений: постепенная деградация и угасание; адаптация в пределах сложившегося системного качества; институциональные реформы (скачки); институциональные кризисы и катастрофы, сопровождающиеся интенсивным стиранием информации; зарождение и утверждение нового системного качества. На длинных интервалах эволюция конкретной исторически сложившейся системы экономических институтов включает в себя процессы всех пяти типов. На восходящей стадии жизненного цикла преобладают процессы пятого, второго и третьего типов, на нисходящей стадии – процессы первого и четвертого типов. Для окрестностей высшей точки жизненного цикла характерно преобладание процессов адаптивного типа.

Государство является мета-институтом, задающим базовые частоты функционирования всей системы экономических институтов. Поэтому его неадекватность способна мультиплицироваться во множественную неадекватность тех правил и норм, которые формируются или легитимизируются государством. Компенсировать возникающие институциональные несоответствия и разрывы в экономике государство может за счет использования инструментов экономической власти. Поэтому рост государственного долга сопровождается ростом значения властных практик государства для снятия неопределенности функционирования хозяйственной системы.

Этот рост приводит к росту финансовых потребностей функционирования расширяющегося государства. Институт рефинансирования государственного долга постепенно приобретает самодовлеющий характер. Расширение финансовой базы экономической власти государства позволяет последнему постепенно расширить круг своих реальных полномочий, делая ненужными или неактуальными сложившиеся институты саморегулирования и самоадаптации рыночной экономики. Деятельность из таких неактуальных институтов постепенно перетекает к государственной бюрократии, как иерархического, так и сетевого типа (национальные и глобальные сети финансового мониторинга, платежные системы, контролируемые государством, глобальная сеть фискального контроля и отказ от института банковской тайны).

Саморегулирование, доверие и коммерческая тайна принадлежат к числу конституирующих основ современных рыночных систем. Сильное государство в традиционном пони-

мании – это государство, которое опирается на эти конституирующие основы. Если же государство начинает, вынужденно или добровольно, подавлять эти основы, его сила будет покоиться на иных основаниях.

Так называемая «несостоятельность рынков» проявляется в расширении сферы эндогенной неопределенности в экономике. Усложнение связей и зависимостей, особенно в условиях глобализации, явно опережает рыночную и профессиональную компетентность участников рынка, поэтому значение стохастической составляющей функционирования хозяйственной системы усиливается. Это приводит, в том числе, и к бюджетно-фискальным проблемам. Укрепляя свою экономическую власть, государство сжимает для субъектов пространство рационального выбора, профессионализированного риска и адаптивных инноваций и одновременно отстывает перед экзогенной неопределенностью: в силу вынужденной деинституционализации последствия прямых сильных административных решений государства, продиктованных целесообразностью и здравым смыслом, носят непредвиденный характер.

С одной стороны, неограниченное наращивание государственного долга позволяет откладывать «в бесконечность» институциональное устранение разрывов в денежных потоках государства. Этому способствуют и чисто электоральные соображения, связанные с необходимостью продемонстрировать финансовую компетентность государства здесь и сейчас, и стремление избежать рисков утраты контроля над социально-институциональными функциями общественного организма в условиях присущей любым реформам эндогенной неопределенности.

С другой стороны, давление внешних кредиторов, не связанных институциональными и социальными ограничениями государства-заемщика, порождает экзогенную неопределенность, реакцией на которую могут выступать контрреформы. В такой ситуации рано или поздно наступает момент, когда простое сохранение институционально определенных социально-экономических субъектов выступает для государства как фактор риска, поскольку эти субъекты самим фактом своего существования сужают пространство допустимых альтернатив для государственных органов.

Причина стремления государства к деинституционализации хозяйственной системы в условиях долговой ловушки путем контрреформ заключается в том, что институты – это актуальное материализованное прошлое социально-экономической системы, алгоритм, обеспечивающий дифференцированно активную позицию субъекта по отношению к внешним условиям его существования. При прочих равных условиях наращивание субъектности государства возможно за счет примитивизации сложной системы общественных связей и зависимостей и сжатия сферы субъектности других участников.

Альтернативой пути контрреформ могут быть институциональные реформы в собственном смысле слова, направленные на согласованные изменения правил и программ, учитывающие новые условия доступа к ресурсам и технологиям.

Любые институты могут существовать до поры до времени автономно от условий, их породивших. Это порождает периодические разрывы (несоответствия) внутри экономической системы, когда наилучший способ действий превращается в неэффективный, но все еще общепринятый. Но сохранение старой программы действий в рамках новой среды приводит к воспроизводству нестабильности, а также к непредвиденным или недооцененным негативным последствиям для принимающих решения на уровне предприятий экономических агентов [8].

Институциональные реформы могут снять неопределенность функционирования хозяйственных систем в условиях глубоких экзогенных инноваций. Гарантии повышения уровня равновесия системы сами по себе реформы не дают. К тому же, такие реформы требуют перераспределения экономической власти в обществе, что противоречит интересам сложившихся элит. Возможна ситуация, когда государство, став на путь псевдореформ, переходит к контрреформам.

После кризиса 2008-2009 гг. феномен контрреформ обозначился в целом ряде государств с переходной экономикой, включая и Украину [5,6,7]. Для этого феномена характер-

ны процессы постепенного наращивания силы фискального и административного давления на субъектов хозяйственной деятельности при одновременном сокращении сферы прямой ответственности государства, в частности, за стабильность денежной единицы, правовых гарантий и налогового режима хозяйственной деятельности в государстве [1,2,5].

Ведь принципы эквивалентности и жестких бюджетных ограничений лежат в основе не только системы разделения труда, специализации и кооперации, но и таких ценностных измерений традиционной экономики, как справедливость, солидарность, равенство, свобода. В новой экономике для них может просто не оказаться места. Не случайно максимальная ценностная деструкция происходит в тех обществах, которые активно включены в политику рефинансирования долгов – как государственных и корпоративных, так и домохозяйств.

Одним из симптомов контрреформ может служить процесс подрыва независимости центральных банков [5,6,7]. Это проявляется в частых сменах руководства центральных банков (в Национальном банке Украины только за 2014 год сменилось три руководителя), в неограниченной монетизации государственного долга через выкуп государственных облигаций, в прямом исполнении требований международных кредиторов без оглядки на национальное законодательство. С. Науменкова считает, что для современной регуляторной практики в финансовом пространстве Еврозоны характерно резкое ограничение зоны регуляторного влияния на национальном уровне вследствие приоритетности решений новых общеевропейских регуляторов над решениями национальных надзорных органов [7].

Как отмечает В. Козюк, в денежно-кредитной политике сформировалась «серая зона статус-кво»: формальное закрепление новых полномочий не происходит, в то же время закрепленные законом монетарные полномочия исполнять становится все труднее [5].

Отсутствие возможности принимать самостоятельные ответственные решения в сфере обеспечения стабильности национальной денежной единицы, порождает депрофессионализацию и безответственность в сфере национального монетарного менеджмента – не столько на уровне персональной компетентности, сколько на уровне де-факто практикуемых процедурах подготовки и принятия решений. Такая система может работать лишь в ситуационном режиме «ручного управления», а основным критерием эффективности такого режима становится принцип фискального доминирования.

В традиционной рыночной экономике важную роль играли явления анонимности, добровольности персонификации транзакций и активов субъекта, привычная склонность следовать моральным практикам и безличному доверию. В такой системе каждый действовал на свой страх и риск, но в результате возникала по-своему гармоничная и целостная структура экономической реальности (Ф. Хайек). Новая хозяйственная реальность, возникающая в условиях деинституционализации и контрреформ, отрицает любую анонимность и не испытывает потребности в доверии (его заменяет возможность полного тотального финансового контроля). Сегодня контроль со стороны государственных и надгосударственных служб финансового мониторинга и финансовой разведки уже укоренился, превратился в рутину и воспринимается нами как неизбежная плата за глобализацию. У советской государственно-социалистической монополистической экономики были альтернативы и исторические конкуренты – социальная рыночная экономика и правовое государство. У новой экономической реальности таких конкурентов нет – она глобальна.

При повышенной неопределенности социально-экономической среды условием выживания субъектов становится поиск или формирование локальных зон порядка. Рыночная компетентность субъектов теряет роль главного условия доступа к экономическим ресурсам. Основным фактором движения ресурсов становится сила и власть. Ориентированная на глобальное пространство стратегия сотрудничества и конструктивной конкуренции уступает место тактике защиты или захвата. Нестабильность мировой экономики способствует активному перераспределению ресурсов и экономической власти. Наспех созданные институциональные конструкции вроде тех, что предложила «большая двадцатка», могут только санкционировать *postfactum* действия главных игроков глобального покера [4].

Перераспределению экономической власти способствует тенденция распространения безинституциональных зон, институциональных ловушек и разрывов. Это создаёт негативные предпосылки для актуализации значения институционального измерения функционирования и развития хозяйственных систем. Дефицит легитимного порядка повышает спрос на общепринятые правила и нормы решения конфликтов. Поэтому сегодня центр тяжести событий сместился в институциональную сферу, о чём свидетельствует кризис глобальных институциональных образований (нынешний кризис ЕС, скрытый кризис МВФ, разрыв между претензиями на глобальную экономическую власть США и дефицитом экономических ресурсов).

Последствиями глобальной финансовой нестабильности являются сжатие сферы эквивалентности и жестких бюджетных ограничений, нарушение фундаментальной симметрии хозяйственной системы, что создает ситуацию «большого передела»; ослабление стабилизирующей роли фактора времени как условия адаптации субъектов; десубъективация хозяйственной системы (субъект, не успевающий приспособиться к новым условиям, перестает быть субъектом); неравновесные цены на активы, приводящие к несоответствию между финансовой реальностью и ее интерпретацией; массовые ошибки инвесторов, регуляторов и международных институтов.

Форсированный рост доли государства в общественных финансовых ресурсах, сопровождаемый реформатированием системы полномочий и ответственности в финансово-денежном блоке государственных регулятивных органов, придаёт государственной экономической политике ситуативный характер и ограничивает инвестиционную активность частного сектора. Наблюдается склонность к более эффективному использованию финансовых активов, принадлежащих государству, что, соответственно, ведёт к смещению стратегических целей на периферию государственной политики. Однако посткризисному восстановлению экономики Украины необходимо придавать и характер структурно-институциональных сдвигов. При этом всё большую актуальность будет приобретать вопрос направлений и критериев этих сдвигов. Если сегодня прибегнуть к усилению роли прямого государственного администрирования в функционировании хозяйственной системы, то могут замедлиться или даже прекратиться очень важные процессы создания рыночных институтов. Наша экономика и так страдает от преобладания иерархического монополистически-государственного институционального устройства, которое не может быть устойчивым без соответствующих горизонтальных институциональных конструкций.

Именно рыночный механизм распределения и использования ресурсов является уникальной конструкцией сочетания иерархических и сетевых оснований. Совокупность вертикальных уровней рыночных структур покоится на горизонтальном основании свободного движения ликвидности, которая обеспечивает безграничную информационную вместимость этой хозяйственной системы. Оптимально жёсткая система технологических зависимостей покоится на «плавающей платформе» денежного рынка.

Поэтому сетования на то, что частный капитал ведет себя недостаточно патриотично и предпочитает краткосрочные спекулятивные операции долгосрочным программам развития украинской экономики, должны быть обращены, в первую очередь, к самому государству, которому вполне по силам уже сегодня снять большую часть правовой, налоговой и денежно-кредитной неопределенности. Разумеется, институциональное строительство – это задача всего общества. Но без активного и осознанного участия государства в этом процессе результаты его могут оказаться совсем не теми, которые ожидает общество.

Выводы. Рыночная система, которую сегодня мы строим, невозможна без определенного, достаточно высокого, уровня институционализации общества. Экономическая свобода, к которой мы стремимся – это сложный способ хозяйственного поведения социально ответственных и цивилизованных субъектов. Лишь признавая и исполняя систему институциональных ограничений, участники рынка могут спокойно преследовать свои собственные цели, не заботясь непосредственно о сопряжении и взаимном согласовании их свободного экономического выбора. Система институтов выполнит это «автоматически».

Из этого вытекает и принцип первичности институциональных задач и направлений реформирования украинского общества. Обеспечение юридического равенства всех членов общества, защита прав граждан, «железные» правовые гарантии частной собственности, стабильность законодательного и налогового режима хозяйствования, предсказуемость экономической стратегии и политики государства способны ускорить процесс трансформации «изнутри», сделать принципы рыночной системы естественным и доступным способом хозяйственного поведения для большинства граждан нашей страны. Отказ же государства от политики укоренения принципов рыночной свободы и ответственности может поставить страну не просто на путь институциональной деградации, но и реанимировать тенденции институциональной аннигиляции общества, характерные для 90-х годов прошлого века.

Литература

1. Буковинський С. А. Глобальна фінансова нестабільність: інституційні ризики для грошово-кредитної політики України / С. А. Буковинський, О. Л. Яременко // Економічна теорія. – 2012. – № 2. – С. 52-61.
2. Буковинський С. А. Уроки глобальної фінансової кризи: методологічні проблеми реформування міжнародних стандартів банківського регулювання і нагляду / С. А. Буковинський, Т. Є. Унковська, О. Л. Яременко // Економічна теорія. – 2011. – № 1. – С. 79-89.
3. Буковинський С. А. Шляхи подолання фінансової кризи в Україні / С. А. Буковинський, Т. Є. Унковська, О. Л. Яременко // Економічна теорія. – 2009. – № 2. – С. 47-60.
4. Дмитренко А. В. Институциональные эффекты нетрадиционной денежно-кредитной политики: постепенная адаптация или финансовая сингулярность? / А. В. Дмитренко, О. Л. Яременко // «Економіка України». – 2014. – № 2. – С. 4-15.
5. Козюк В. В. Незалежність центральних банків після глобальної фінансової кризи: «сіра зона статус-кво» / В. В. Козюк // Вісник НБУ – 2015 – № 2. – С. 16-25.
6. Козюк В. В. Державний борг в умовах ринкової трансформації економіки України : монографія / В. В. Козюк. – Тернопіль : Kart-blansh, 2002. – 238 с.
7. Науменкова С. Нові тенденції в механізмі регулювання фінансового сектору / Науменкова С. // Вісник Національного банку України. – 2011. – № 12. – С. 25-33.
8. Шаститко А. Трансакційні издержки (содержание, оценка и взаимосвязь с проблемами трансформации) / Шаститко А. // Вопросы экономики. – 1997. – № 7. – С. 73.
9. Шумпетер Й. Теорія економічного розвитку / Й. Шумпетер – М. : Ескмо, 2007 – 401 с.
10. Krugman P. Nobody Understands Debt / P. Krugman // The New York Times – 2012 – January 2. – P. A21.

References

1. Bukovyns'kyj S.A., Jaremenko O. L. Global'na finansova nestabil'nist': instyucijni ryzyky dlja groshovo-kredytnoi' polityky Ukrainy / S. A. Bukovyns'kyj, O. L. Jaremenko // Ekonomichna teorija. – 2012. – № 2. – S. 52-61.
2. Bukovyns'kyj S.A., Unkovs'ka T.E., Jaremenko O. L. Uroky global'noi' finansovoi' kryzy: metodologichni problemy reformuvannja mizhnarodnyh standartiv bankivs'kogo reguljuvannja i nagljadu / S. A. Bukovyns'kyj, T.E. Unkovs'ka, O. L. Jaremenko // Ekonomichna teorija. – 2011. – № 1. – S. 79-89.
3. Bukovyns'kyj S.A., Unkovs'ka T.E., Jaremenko O. L. Shljahy podolannja finansovoi' kryzy v Ukraini / S. A. Bukovyns'kyj, T. E. Unkovs'ka, O. L. Jaremenko // Ekonomichna teorija. – 2009. – № 2. – S. 47-60.
4. Dmitrenko A.V., Jaremenko O.L. Institucional'nye jeffekty netradicionnoj denezhno-kreditnoj polityki: postepennaja adaptacija ili finansovaja singuljarnost'? / A.V. Dmitrenko, O.L. Jaremenko // «Jekonomika Ukrainy». – 2014. – № 2. – S.4-15.
5. Kozjuk V.V. Nezalezhnist' central'nyh bankiv pislja global'noi' finansovoi' kryzy: «sira zona status-kvo» / V.V. Kozjuk // Visnyk NBU – 2015 № 2. S. 16-25
6. Kozjuk V. V. Derzhavnyj borg v umovah rynkovoї transformacii' ekonomiky Ukrainy : monografija / V. V. Kozjuk. – Ternopil' : Kart-blansh, 2002. – 238 s.
7. Naumenkova S. Novi tendencii' v mehanizmi reguljuvannja finansovogo sektoru // Visnyk Nacional'nogo banku Ukrainy. – 2011. – № 12. – S. 25-33
8. Shastitko A. Transakcionnye izderzhki (soderzhanie, ocenka i vzaimosvjaz' s problemami transformacii) // Voprosy jekonomiki. – 1997. – № 7 – S.73]
9. Shumpeter J. Teorija jekonomicheskogo razvitija / J. Shumpeter – M.:Eskmo, 2007 – 401 s.
10. Krugman P. Nobody Understands Debt / P. Krugman // The New York Times – 2012 – January 2. – P. A21.

Яременко В. Г., Яременко О. Л.

ДЕРЖАВНИЙ БОРГ, ІНСТИТУЦІЙНІ РЕФОРМИ ТА КОНТРРЕФОРМИ В КРАЇНАХ З НЕСТАБІЛЬНОЮ ЕКОНОМІКОЮ

Анотація. Залучення позикових коштів державою дозволяє мінімізувати актуальні ризики і зберегти існуючу інституційну структуру економіки за рахунок заповнення фінансових розривів кредитними ресурсами. З іншого боку, нарощування державного боргу та відкладання інституційних реформ поступово призводить до фінансової неспроможності держави. У статті розкриті внутрішні протиріччя між борговою та інституційною складовими державного регулювання економіки. Показані загрози відмови від принципів Вашингтонського консенсусу для України в умовах нарощення ендогенної і екзогенної невизначеності соціально-економічного розвитку країни. Охарактеризовані соціально-інституційні ризики контрреформ в країнах з нестабільною економікою. Встановлено, що необмежене нарощування державного боргу дозволяє нескінченно відкладати інституційне усунення розривів в грошових потоках держави. З іншого боку, тиск зовнішніх кредиторів, не пов'язаних інституційними і соціальними обмеженнями держави-позичальника, породжує екзогенну невизначеність, реакцією на яку можуть виступати контрреформи. Доведено, що альтернативою шляху контрреформ можуть бути інституційні реформи у власному розумінні цього слова, спрямовані на узгоджені зміни правил і програм, що враховують нові умови доступу до ресурсів і технологій.

Ключові слова: інститути, державний борг, соціально-економічна невизначеність, неспроможність ринків.

Yaremenko O.L., Yaremenko V.G.

THE PUBLIC DEBT, INSTITUTIONAL REFORMS AND COUNTER-REFORMS IN COUNTRIES WITH UNSTABLE ECONOMY

Abstract. The state borrowing lets to minimize current risks and to maintain the existing institutional structure of the economy by filling financial gaps by credit resources. On the other hand, the growth of public debt and leaving institutional reforms gradually leads to financial insolvency of the state.

The article reveals the internal contradictions between the debt and institutional components of the state regulation of the economy. The threat of rejection of the principles of the Washington Consensus for Ukraine in terms of growth endogenous and exogenous uncertainty of socio-economic development of the country was determined. Social and institutional risks of counter-reform in countries with unstable economies were characterized. It was found that the unlimited increase of the public debt allows infinitely postponed institutional bridge the gap in the cash flows of the state. On the other hand, the pressure of external creditors, non-institutional and social constraints of the State generates exogenous uncertainty reaction which can act counter-reforms. It is proved that an alternative path can be counter-institutional reforms in the strict sense, aimed at the agreed changes to regulations and programs that take into account the new conditions of access to resources and technologies.

Keywords: institutions, public debt, social and economic uncertainty, market failures, reform, counter-reforms.

Стаття надійшла до редколегії 18.02.2015 р.